

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА ВАСИЛИЯ СЕЗЕМАНА ЗА РУБЕЖОМ

ВЛАДИМИР БЕЛОВ

Доктор философских наук, профессор.

Российский университет дружбы народов, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, факультет гуманитарных и социальных наук.
117198 Москва, Россия.

E-mail: belovvn@rambler.ru

Усиливающаяся за рубежом интенсивность исследований творчества незаслуженно забытого у себя на родине философа Василия Сеземана диктует необходимость прояснения некоторых важных моментов, так или иначе проявляющихся в оценках характера этого творчества. В статье обосновываются две основные идеи: во-первых, то, что В. Э. Сеземан всегда был русским философом и, во-вторых, философом оригинальным и самостоятельным, несмотря на сильные влияния со стороны интуитивизма Н. Лосского, неокантианства Г. Когена и П. Наторпа, феноменологии Э. Гуссерля и новой онтологии Н. Гартмана. В своем творчестве Сеземан стремился развивать классический вариант платонизма и неоплатонизма, что характерно, собственно, и для всей так называемой соловьевской школы русской религиозной философии, но обогащенный и критически переосмысленный через достижения наиболее влиятельных современных ему философских направлений. Данные утверждения автор обосновывает в дискуссии с наиболее значительными работами западных исследователей творчества русского философа, среди которых выделяются две монографии Т. Боц-Борнштейна и Д. Йонкуса, соответственно, на английском и литовском языках. Также подчеркивается, что неоднозначность и неточность интерпретации позиции Сеземана в отношении феномена интуиции со стороны его исследователей связана с тем, что его теория познания не является самодостаточной сферой, но встроена в общий процесс совершенствования человека. И хотя большинство работ Сеземана посвящены темам теории познания и эстетики, главной особенностью его мышления была системность. На основе его оригинальным образом интерпретируемой теории познания выстраивается все здание его философии: онтология, этика, эстетика, философия религии и культуры.

Ключевые слова: Сеземан, русский философ, неокантианство, интуиция, феноменология, теория познания, система философии.

© VLADIMIR BELOV, 2017

ON SOME MODERN INVESTIGATIONS ON THE WORKS OF V. SESEMANN OUTSIDE OF RUSSIA

VLADIMIR BELOV

DSc in Philosophy, Professor.

Peoples' Friendship University of Russia, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Humanities and Social Sciences.
117198 Moscow, Russia.

E-mail: belovvn@rambler.ru

The growing number of studies outside of Russia of the work of the Russian philosopher Vasily Emilevich Sesemann, who was undeservedly forgotten in his homeland, gives rise to the need to clarify some important points that somehow manifest themselves in assessing the nature of this work. Two main ideas are substantiated in the article: firstly, that V. E. Sesemann was always a Russian philosopher and, secondly, a philosopher of original and independent, despite strong influences from the intuitivism of N. Lossky, the Neo-Kantianism of H. Cohen and P. Natorp, the phenomenology of E. Husserl and the new ontology of N. Hartmann. In his work, Sesemann sought to develop a modern version of classical Platonism and Neo-Platonism, which is characteristic of the so-called Solovyovian school of Russian religious philosophy, but enriched and critically rethought through the achievements of the most influential philosophical trends of the day. The author justifies these statements in a discussion with the most significant works of Western researchers of the Russian philosopher's work, among which are two monographs by T. Botz-Bornstein and D. Jonkus, respectively, in English and Lithuanian. It is also emphasized that the ambiguity and inaccuracy of the interpretation of the position of Sesemann in relation to the phenomenon of intuition on the part of the latter researchers is due to the fact that his theory of knowledge is not a self-sufficient sphere, but is built into the overall process of human perfection. And, although most of Sesemann's works are devoted to the theory of knowledge and aesthetics, the main feature of his thinking was systematic. On the original image of the interpreted theory of knowledge is built the entire building of his philosophy: ontology, ethics, aesthetics, philosophy of religion and culture.

Key words: Sesemann, Russian philosopher, neo-Kantianism, intuition, phenomenology, theory of knowledge, system of philosophy.

Нельзя сказать, что творчество Василия Эмильевича Сеземана оставалось забытым и не востребованным все годы, прошедшие с его смерти в 1963 г.¹ Но в последнее время трудно не заметить прочную тенденцию к усилению интереса к герою нашей публикации. Хотя, если задуматься, то времени со дня его смерти прошло не так уж и много, и живы еще студенты,

---

¹ Здесь можно упомянуть двухтомное собрание сочинений на литовском языке (Sezemanas, 1987, 1997); статьи литовских исследователей творчества Сеземана Лозурайтиса, Анилионите, Гензелиса, Ласинскаса, Свердиоласа и др., а также две конференции, посвященные жизни и творчеству В. Э. Сеземана. Первая прошла в мае 1984 года в Вильнюсском университете и была посвящена столетнему юбилею философа, вторая в апреле 2005 была организована Каунасским университетом. С приветственными словами к участникам конференции в Каунасе выступили ректор университета, посол Финляндии в Литве и Белоруссии, а также сын философа Георгий Сеземан.

которые слушали его лекции, сын, который живет и работает в Вильнюсе, живы родственники, знакомые отечественного мыслителя. Написал слово «отечественного» совсем неслучайно, в виду того, что в зарубежных исследованиях его старательно пытаются отодвинуть от России в сторону Европы. Например, редактор и автор вступительной статьи к переводу с литовского на английский фундаментальной работы В. Сеземана «Эстетика» Леонидас Донскис так характеризует нашего философа:

Василий Сеземан (1884 — 1963), наиболее значительный академический философ Литвы в период между Первой и Второй мировыми войнами и в послевоенный период, достоин титула «балтийский философ» как никто иной. По линии отца швед и финн, а по линии матери русский и немец, Сеземан имел несколько планов идентичности и чувствовал себя своим в финской, шведской, русской, немецкой и литовской языковой и культурной средах. Финский и литовский философ (Восилиус Сеземанас в Литве), имеющий тесные связи с русской и немецкой интеллектуальной культурой, Сеземан может быть представлен как символический мост между Финляндией и Литвой, а также как европейский мыслитель одновременно в широком и узком смысле этого слова. (Donskis, 2007, XXIV)

Или, например, мнение другого исследователя Э. Тарасты из «Предисловия» к монографии о творчестве отечественного мыслителя другого зарубежного автора Боц-Борнштейна: «Мы знаем теперь, что Вильгельм Сеземан был крупнейшим философом в истории Литвы....». Однако, как отмечает Тараста, мысль Сеземана опирается на столько точек зрения, что трудно определить «“реальную” философию этого балтийского мыслителя» (Tarasti, 2006, 7).

На мой взгляд, это не совсем справедливо: Василий Эмильевич был русским и европейским мыслителем без противопоставления одного другому. Да, родители были выходцами из Европы, да, писал свои работы на трех языках (русском, немецком и литовском, письма еще и на шведском), да, исповедовал протестантизм, да, учился и долгое время проживал за границей, да, испытал гонения со стороны советской власти и преследовался за идеологическое инакомыслие. И все же не был космополитом в худшем смысле этого слова, то есть не принадлежащим ни к какой определенной культуре. Он был русским интеллигентом и интеллектуалом, и потому был европейцем. Именно в такой последовательности нет умаления его широкой образованности и эрудиции до расплывчатости и невнятности. Русская культура и русский язык являются в характеристике творчества

В. Э. Сеземана той основой, на которой только и могла оформиться его европейскость. Да и факт принятия приглашения приехать преподавать из центральной Европы в «провинциальную» Литву может быть интерпретирован только как попытка быть ближе к России.

Чтобы обосновать свое утверждение о Сеземане как русском философе, сошлюсь на воспоминания одного из его учеников, слушавших его лекции в Вильнюсском университете после освобождения философа из лагеря. Андрей Коницкий не сомневается в том, что свободно говоривший на нескольких языках В. Сеземан считал себя «человеком русской культуры; именно России намеревался он посвятить “души прекрасные порывы”» (Konizkiyi, 1995, 126). Об этом же свидетельствуют и письма философа из лагеря жене и приемной дочери, написанные им на русском языке (Slesoryunene, 1991, 127–138).

И второй аспект темы современных зарубежных исследований жизнедеятельности В. Э. Сеземана, который хотелось бы обсудить в этой публикации, — это характеристика самого творчества мыслителя. Все иностранные авторы стремятся причислить Сеземана к различного рода направлениям: неокантианству, феноменологии, семиотике, формализму, интуитивизму, культурфилософии и др. В целом, справедливые усилия, углубляющие наше понимание рассуждений философа и выявляющие тесную связь его философских идей с предшественниками, учителями и современными ему философскими тенденциями. Однако при этом во многих подобного рода исследованиях присутствует чрезмерное, на мой взгляд, подчеркивание решающего значения «Эстетики» для оценки творчества Сеземана².

Другим, не способствующим прояснению «реальной» философии В. Сеземана, моментом в исследованиях является то, что к анализу и оценке его творчества обращаются с заведомо субъективно-ориентированных и уже ангажированных той или иной философской традицией позиций. У того же известного финского семиотика Э. Тарасты мы встречаем следующее объяснение семиотических пристрастий в исследованиях творчества В. Сеземана в Финляндии:

---

² Нечто подобное происходит и с оценкой творчества учителя Сеземана Германа Когена, когда в основание его философии кладут философию религии, то есть наиболее позднюю часть его философской системы, полагая ее определяющей для всех других частей системы основателя марбургской школы.

В Финляндии интерес к работам Сеземана был обусловлен в большей степени его связью с семиотикой. Впервые его имя упоминается около 1982 г., когда семиотика начала утверждаться в нашей стране, а семиотическое общество Финляндии начало свои ежегодные собрания. Третье из них, проходившее в Яваскале в 1983 году, представило финскую семиотику как международное явление. Среди ведущих докладчиков были Генри Бромс и выдающийся франко-литовский ученый Альгирдас Жюльен Греймас, который преподавал в Хельсинки в начале 1979 г. Также докладчиком был финский психиатр и писатель Оскар Парланд (1912–1997), который позже стал почетным членом нашего общества. Он и его брат, финско-шведский поэт Генри Парланд (1908–1930), были племянниками Вильгельма Сеземана. Когда Генри Парланд был объявлен «первым финским семиотиком», начал расти интерес к тому, как и где зародились его идеи по семиотике. В своем выступлении на заседании финского семиотического общества Оскар Парланд рассказал историю семьи Парланд-Сеземана, и как Генри узнал об идеях русских формалистов от своего дяди [В. Э. Сеземана. — В.Б.]. (Tarasti, 2006, 7).

На мой взгляд, при всем уважении к подобного рода подходам, они не лишены серьезного недостатка, который превращает самостоятельного и оригинального мыслителя в простого продолжателя той или иной философской традиции. Более правильным полагаю подход, который, не выделяя какую-то часть в качестве главной, во главу угла при рассмотрении творчества философа кладет системность его мысли. Среди его работ, помимо «Эстетики», даже чисто количественно выделяются работы, посвященные теории познания (а если учесть, что подход Сеземана утверждает необходимость неразрывной связи мышления и бытия, то работ по онтологии и теории познания), немало работ историко-философского содержания, меньше работ по этике и философии религии. Но несмотря на то, что кроме «Эстетики» и «Логики» у него не издано ни одной большой книги³, несмотря на то, что по количеству и объему статей и рецензий очевидно преобладают статьи, написанные на темы онтологии и теории познания, эстетики и философии культуры, синтетические и систематические усилия философа не вызывают сомнения. И в подходе к материалу своего исследования и в подходе к выбору авторов той или иной философской традиции Сеземан всегда руководствовался принципом той

---

³ В частности, Н. Гартман в рецензии в Кант-штудиен на исследование своего друга и коллеги «Логические законы и бытие», сожалеет о том, что у Сеземана нет больших работ, хотя некоторые его статьи могли бы быть объединены в отдельное издание (Hartmann, 1958, 368).

историчности, которая имеет тенденцию стать вечностью, которая обосновывает и укрепляет его систематические построения.

Систематичность мысли В. Сеземана, которая развивалась в рамках западной философии, но имела отношение и к определенным восточным моделям мышления, подчеркивает и автор первой монографии о мыслителе Торстен Боц-Борнштейн (Botz-Bornstein, 2006). Для обоснования актуальности его идей немецкий исследователь в своей книге предпринимает попытку «некоторые философские темы, являющиеся центральными для философии Сеземана» раскрыть «в философском контексте того времени» (Botz-Bornstein, 2006, 15).

Отправной точкой анализа в исследовании творчества философа немецкий автор считает «его идею опыта как компонента жизни, который не может быть объективирован», полагая эту идею «ведущей идеей его почти пятидесятилетнего философствования» (Botz-Bornstein, 2006, 15). Именно через эту идею, по мнению Боц-Борнштейна, философские конструкции Сеземана приобретают характеристики западной философии. Однако не чужды они и характеристикам восточного мышления, связанным, в частности, со средневековым «методом отрицания» (*via negativa*).

Немецкий исследователь последовательно прослеживает роль и значение ведущей идеи опыта философа в различных темах (например, в рассуждениях об эмпатии, или о теории познания) и в критике им различных направлений и школ современной мысли (в том числе, формализма, фрейдовского психоанализа, бергсоновской философии времени). Параллельным мотивом в представлении основных идей В. Сеземана в книге Боц-Борнштейна проведена мысль о том, что эти идеи не совсем оригинальны, а так или иначе заимствованы у других как западных, так и российских авторов или имеют с ними очень много точек пересечения. Так, немецкий автор находит, что ведущая идея опыта похожа на ту, которую развивал Вильгельм Дильтей в своей „*Psychologie als Erfahrungswissenschaft*“. Что же касается критики «материализации» Фрейдом психической жизни, то и здесь немецкий исследователь видит много общего с подобной критикой Лакана.

Помимо указанных Дильтея и Лакана немецкий исследователь творчества В. Сеземана рассматривает его философию в тесной связи с позициями таких философов, как Н. Лосский, М. Бахтин, Т. Липпс, А. Бергсон, Г. Коген.

Еще одним примечательным моментом в исследовании немецкого автора является его вывод о том, что в онтологических построениях философа главными конструктами становятся понятия мечты и герменевтики познания:

Мы увидели, что Сеземан обстоятельным образом разрабатывает эстетику бытия, которая производит нетрадиционную идею времени (как конкретный, динамичный феномен), случайности (как конструктивную часть бытия) и структуры, которая кажется неформализуемой ни субъективным, ни объективным образом. Можно сказать, что все философское творчество Сеземана достигает своей вершины в новой эстетике той области, в рамках которой все эти факторы играют столь заметную роль в отношении своей соответствующей теоретизации: творчество Сеземана достигает своей вершины в новой логике мечты. (Botz-Bornstein, 2006, 91)

Метафизические статичные концепции реальности стремятся рассматривать жизнь и сознание, как замкнутое пространство, в рамках которого могут полагаться неподвижные элементы (объекты). Мечта или бессознательное оказываются существующими в подобном пространстве. Сеземан, по мысли немецкого исследователя, стремится разрушить оппозицию «сознательная жизнь — мечта», когда последняя представляется бледной версией этой самой жизни.

Что же касается герменевтики познания, то, отвечая «на вопрос, представляет ли из себя интуиция совершенно иной путь “объективации”, или не соответствует ли она полностью “сущности знания”», Сеземан, по убеждению Ботц-Борнштейна, отвергает «модели интуитивного восприятия Бергсона, Лосского, а также Гуссерля... Остается герменевтически ориентированное знание, которое описывает акт познания — круговым образом — как акт самопознания» (Botz-Bornstein, 2006, 106).

Достаточно сильные утверждения со стороны немецкого автора относительно обоснования Сеземаном логики мечты, и в целом выделение феномена мечты в качестве основного в его творчестве, к сожалению, остались без развернутой аргументации и анализа соответствующих рассуждений самого философа. Такой подход автора монографии, когда отсутствует даже разъяснение, в чем именно заключается эта самая «логика мечты», оставляет больше вопросов, чем дает ответов на них.

Более основательно к оценкам творчества В. Сеземана подошел другой автор, профессор Вильнюсского университета Дариус Йонкус (Jonkus, 2015). Его монографическое исследование по праву можно считать самым

фундаментальным. Такое утверждение обосновывается не просто ссылкой на объем работы литовского исследователя (хотя и это впечатляет!), но прежде всего тем усилием этого автора, которое направлено на встраивание философских идей Сеземана как в историко-философскую традицию, так и в современный философский контекст.

Рассматривая влияния на философию Сеземана неокантианства, интуитивизма Н. Лосского, онтологии Н. Гартмана, феноменологии Э. Гуссерля, М. Гейгера, М. Шелера и М. Хайдеггера, автор стремится доказать, что «позиция Сеземана близка феноменологической философии, которую он понимал не как трансцендентальный идеализм, но, как интуицию на основе критического реализма» (Jonkus, 2015, 42).

Автор монографии выделяет три ключевые темы произведений В. Сеземана, которые, по его мнению, тесно взаимосвязаны в творчестве философа. Литовский исследователь стремится обосновать то, что эстетический анализ в работах Сеземана не является вторичным продуктом его философской рефлексии, но непосредственно завязан на проблемы чувственного восприятия, интуиции, воображения и самосознания. Именно проблема самосознания, по убеждению автора монографии, являясь основной темой творчества философа, становится объединительным моментом в рассмотрении феноменологии и эстетики.

Но, как и у Боц-Борнштейна (специалиста по межкультурным компаративистским исследованиям, сопоставлению разных мыслительных традиций Востока и Запада), собственные предпочтения автора (Йонкус — специалист по феноменологии), с одной стороны, позволяют ему глубоко сопоставить разные спецификации в рамках феноменологии, но с другой, не дают отнестись к традиции феноменологии критично. Хотя проф. Йонкус и замечает, что «философия Сеземана является многогранной, поэтому она не может быть однозначно приписана ни к одной из философских школ», тем не менее тут же добавляет: «Изучая вопросы, поднятые Сеземаном, и стиль его философствования, становится ясно, насколько тесно они связаны с феноменологической философской традицией». Правда литовский автор разъясняет, что саму «феноменологию в данном случае следует понимать не как постулирование тем или иным автором своего учения, но как философское предпочтение», а критику Сеземаном феноменологического направления предлагает считать «внутренней критикой» (Jonkus, 2015, 175).

Но ведь и неокантианскую концепцию, принадлежность к которой Сеземана автор монографии последовательно отрицает (он допускает такую

принадлежность Сеземана лишь на раннем ученическом этапе становления его философии), справедливости ради, нельзя понимать однозначно и схематично: одно дело — некие устоявшиеся стереотипы и оценки, исторически обусловленные, другое дело — конкретные авторы, их размышления и жизненные коллизии. То, на что ссылается Йонкус в качестве образца неокантианского типа философствования, — характеристика, приведенная Н. А. Дмитриевой в ее монографии «Русское неокантианство: “Марбург” в России. Историко-философские очерки» (Dmitrieva, 2007, 179–180) — с большой натяжкой можно отнести и к философствованию поздних Когена и Наторпа (Belov, 2015) и к философии Кассирера. Так, ссылаясь на обсуждение вопроса «что такое неокантианство» во время Давосского диспута Кассирера и Хайдеггера и назначение последним неокантианства в качестве «козла отпущения новейшей философии», один из наиболее авторитетных современных исследователей творчества марбургского философа М. Феррари напоминает слова Кассирера во время этого диспута: «Понятие “неокантианство” необходимо трактовать не субстанциально, но функционально». Согласно Кассиреру, неокантианство следует понимать «не как догматическую систему, но как направленность в постановке вопросов» (Ferrari, 2002, 103). И подробно проанализировав концепцию Кассирера, в том числе и его философию символических форм, итальянский исследователь приходит к однозначному выводу о том, что трансформация первоначального классического неокантианства, представленного в работах Когена и Наторпа, не приводит у Кассирера к разрыву с традицией, а должна восприниматься «как вариант внутри первоначальной философской программы марбургских неокантианцев» (Ferrari, 2002, 120).

Отстаивает проф. Йонкус свою точку зрения на феноменологические предпочтения Сеземана и в развернутой статье в журнале «Horizon». Так, исследователь полагает, что, критикуя Н. Гартмана за его репрезентативную теорию познания и отстаивая концепцию открытого сознания, Сеземан ведет речь, собственно, об интенциональности сознания (Jonkus, 2017, 85–86). На мой взгляд, интенциональность сознания в рамках его позиции решает проблему преодоления внутреннего и внешнего, но не решает проблему, на которую указал Н. Лосский, а именно, проблему «теоретико-познавательного дуализма» в философии Сеземана: деление на предметное и непредметное знание, интуитивное и логическое познание (Losski, 1929, 13). И этот дуализм не может быть снят в рамках процесса познания. Поэтому

точнее было бы здесь вести речь не об интенциональности, а о потенциональности сознания. Открытость сознания не решает только проблемы познания и не связана только с процессом познания. Открытость сознания включает в себе прежде всего возможность проникновения в ту реальность, которая больше реальности познающего, волящего или оценивающего сознания, а именно в реальность божественную. Сеземан считает, что именно такую задачу философскому мышлению ставит классическая форма идеализма — платонизм и неоплатонизм.

Сверхиндивидуальное и сверхсубъективное, к чему ведет философское познание, ни в коем случае не есть просто общее, логически общеупотребительное, как это устанавливает логический идеализм. Здесь преодолевается противоположность отдельного и общего также, как и противоположность субъективного и объективного. Истинным предметом философского познания является скорее бытие высшего порядка и именно такое конкретное и реальное бытие, как индивидуальное бытие самой познающей души (субъекта). Таким образом, мышление в философском познании пребывает не в одном и том же слое бытия (как это делает повседневное, а также научное мышление), но двигается в направлении к новому измерению, — к измерению глубины и вследствие этого делает доступным познанию новые, глубинные слои бытия. ...

Отсюда уже следует, что переход к бытию высшего порядка одновременно есть переход к более совершенному бытию. Различные ступени бытия представляют для платонизма и различные ценностные ступени и ступени совершенства. Поэтому истинно бытийствующее — цель философского познания — есть одновременно и истинно ценное и благое, божественное. В этом отношении и восхождение философского эроса проявляется как процесс совершенствования, уподобления Богу (ομοίωσις θεῷ). (Sezeman, 2012, 132)

Именно поэтому, по мнению Сеземана, неправы и логицизм, и интуитивизм.

Проф. Д. Йонкус совершенно справедливо указывает на особую значимость интуитивного момента в процессе познания для преодоления закрытого в себе сознания и непосредственного проникновения к самим вещам как для феноменологии, так и для Сеземана (Jonkus, 2017, 88–89). Литовский исследователь прав, отмечая усилия В. Сеземана по оптимизации концепта «интуиция», правда не уточняя влияния на эти усилия Н. Гартмана⁴. Но он не совсем прав, когда умалчивает о критике интуиции и интуитивизма со стороны отечественного философа. По мнению последнего,

---

⁴ Например, что касается выделения стигматической и конспективной интуиции.

если последователи неокантианской школы абсолютизируют вторичные моменты в познании, то есть логические моменты оформления и объективации, именно их принимая за сущность познания, то представители интуитивизма и феноменологии, напротив, концентрируют все свое внимание на первичных моментах непосредственной зависимости познания от бытия, игнорируя вторичные моменты, без которых целостной, а значит и истинной, картины процесса познания представить невозможно.

Для Сеземана существуют реальность, бытие, полу-реальность или область неистинного отношения объекта и субъекта, и сфера знания. Реальность пуста с гносеологической точки зрения, и большая опасность кроется в том, что при переходе от бытия к знанию полу-реальность заменит реальность, встанет на ее место, и познание будет иметь дело не с реальностью, а с ее эрзацем. Но и оставаться в реальности нельзя из-за ее пустоты. Выход в сферу знания — самый сложный и опасный, чреватый заблуждениями и ошибками процесс. Но и не выходить тоже нельзя. Поэтому этому переходу от реальности к знанию Сеземан и уделяет основное внимание. И здесь уже мелочей не может быть, важны все сущностные моменты как онтологического, так и гносеологического порядка.

Главный недостаток философских учений, опирающихся на интуицию, он видит в том, что в них присутствует

интенция к упрощению проблемы познания. Значения вторичных моментов познания (крайне существенных для его структуры, его внутренней проблематики) остаются невыявленными: интуитивизм как будто ничего не знает об *эксцентрисности* знания (несовпадении центров бытия и знания) и потому невольно рационализирует и логирует его природу. (Sezeman, 2011, 83–84)

Поэтому, на мой взгляд, не стоит так категорически, как это делает проф. Д. Йонкус, заявлять о том, что в своей развитой концепции В. Сеземан расстался с неокантианством, покинул почву этого философского направления, чтобы стать по преимуществу феноменологом. Если и говорить об эволюции научных предпочтений отечественного мыслителя, то следует вести речь скорее о развитии им неокантианства в направлении феноменологии, попытке синтеза этих двух философских школ, без отрицания одной из них ради другой, но — и это самое главное — в рамках самостоятельного прочтения их обеих.

Пытается дать свой ответ на вопрос о школьной принадлежности философии Василия Сеземана и другой современный литовский исследователь его творчества Арунас Свердиолас. Отмечая, что Сеземан в своих работах пытался преодолеть философскую оппозицию «субъект-объект», литовский автор пишет:

Двигаясь в этом поиске, его философская мысль трансформировалась от русского интуитивизма и частично марбургского кантианства к философии жизни (*Lebensphilosophie*) и особенно феноменологию, однако без полной идентификации с каким-либо из этих направлений. В этом динамическом комплексе его идей онтологическая проблематика всегда оставалась доминирующей, анализируемой с точки зрения так называемого необъективного (непредметного) знания. (Sverdiolas, 2010, XVII)

Задавая самому себе вопрос о современности философии В. Сеземана, А. Свердиолас категоричен и уверен с ответом: темы и проблемы, затронутые и рассмотренные в логических, этических, эстетических, историко-философских и религиозных работах Василия Сеземана, актуальны и привлекательны не меньше, чем эти же темы и проблемы в работах М. Хайдеггера, Э. Левинаса, А. Бергсона, К. Ясперса, Э. Гуссерля и других активно анализируемых в современной философской литературе авторов.

Широту и, в тоже время, глубину мышления философа подчеркивают и, пожалуй, самые известные литовские исследователи творчества Сеземана Л. Анилионите и А. Лозурайтис. Они отмечают, что, при всей своей простоте и ясности, его мышление «строго, методично и систематически пытается охватить всю вселенную философских проблем» (Anilionyte, Lozuraitis, 2000, 187). Именно такое глубокое философское мышление, по мнению литовских авторов, помогло В. Сеземану в преодолении неблагоприятных жизненных ситуаций, помогло «пройти через катаклизмы своего времени, вернуться из сибирского трудового лагеря, таким же, каким был раньше, и быть застрахованным от злобы и ненависти в принятии жизни, не тратить ее в скептической дремоте» (Anilionyte, Lozuraitis, 2000, 189).

Можно согласиться и с заключением литовских авторов относительно центральной проблемы философии Сеземана: не эпистемология, не эстетика, но проблема человека, «человеческая личность находится в центре его философии». Как и в философии Канта, у которого все вопросы, в конечном

итоге, фокусируются на проблеме человека, философию Сеземана нельзя понять и верно оценить, если не объединить ее вокруг проблемы человека. Именно человек с его сложной структурой, «состоящей из различных духовных аспектов истории и культуры, но не как некоторая абстрактная сущность» (Anilionyte, Lozuraitis, 2000, 197) всегда стимулировал интерес отечественного мыслителя к исследованию различных областей жизни человека и общества.

Анилионите и Лозурайтис констатируют несомненный и заслуженный всплеск интереса к творчеству Василия Эмильевича Сеземана в Литве со стороны современных литовских ученых⁵. Хотелось бы надеяться, что такая же участь ожидает его творческое наследие и в России.

REFERENCES

- Anilionytė, L., & Lozuraitis, A. (2000). The Life of Vosylius Sezemanas and His Critical Realism. In J. Baranova (Ed.), *Lithuanian Philosophy: Personas and Ideas* (187 - 200). Washington: Council for Research in Values & Philosophy.
- Belov, V. (2015). Yavlyaetsya li German Kogen neokantiantsem? [Is Herman Cohen a Neo-Kantian?]. *Kantovskii sbornik*, 3 (53), 38–45. (in Russian).
- Botz-Bornstein, T. (2006). *Vasily Sesemann Experience, Formalism and the Question of Being*. Amsterdam, New York: Rodopi.
- Dmitrieva, N. (2007). *Russkoe neokantianstvo: “Marburg” v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki*. [Russian Neo-Kantianism: “Marburg” in Russia. Historical and Philosophical Essays]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Donskis, L. (2007). Editor’s Introduction: Mapping Inter-War Lithuanian Philosophy. In V. Sesemann, *Aeshetics* (XI — XXVI). Amsterdam, New York: Rodopi.
- Ferrari, M. (2002). Ist Cassirer methodisch gesehen ein Neukantianer? In D. Pätzold & C. Krijnen (Eds.), *Der Neukantianismus und das Erbe des deutschen Idealismus: Die philosophische Methode* (103–122). Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Hartmann, N. (1958). Zu Wilhelm Sesemann. 1933. In N. Hartmann, *Kleinere Schriften. Band III. Vom Neukantianismus zur Ontologie* (368–374). Berlin: Walter de Gruyter.
- Jonkus, D. (2015). *Vosylius Sezemano filosofija: savees pazxinimo ir estetinexs patirties fenomenologija* [The Philosophy of Vasily Sesemann: A Phenomenology of Self-Awareness and Aesthetic Experience]. Vilnius: Versus Aureus. (in Lithuanian).
- Jonkus, D. (2017). Filosofija Vasiliya Sezenama: neokantianstvo, intuitivizm, fenomenologiya [The Philosophy of Vasily Sesemann: Neo-Kantianism, Intuitivism and Phenomenology]. *Horizon. Studies in Phenomenology*, 6 (1), 79–96. (in Russian).

---

⁵ Они согласны с определением своего коллеги Тумелиса этого феномена как «Сеземанианы» (Anilionyte, Lozuraitis, 2000, 191).

- Konizkiyi, A. (1995). Vasili Seseman [Vasily Sezemann]. *Vil'nyus*, 4, 123–130. (in Russian).
- Losski, N. (1929). Die intellektuelle Anschauung als Methode der Philosophie. *Der Russische Gedanke. Internationale Zeitschrift für russische Philosophie, Literaturwissenschaft und Kultur*, 1, 4–17.
- Sezeman, V. (1932). Die logischen Gesetze und das Sein: a) Die logischen Gesetze im Verhältnis zum subjektbezogenen und psychischen Sein. b) Die logischen Gesetze und das daseinsautonome Sein. *Eranus*, 2, 59–230.
- Sezemanas, V. (1987). *Raštai. Gnoseologija* [Works. Epistemology]. Vilnius: Mintis. (in Lithuanian).
- Sezemanas, V. (1997). *Raštai. Filosofijos istorija. Kultūra* [Works. Philosophy of History. Culture]. Vilnius: Mintis. (in Lithuanian).
- Sezeman, V. (2011). Real'naya ustanovka i «chistoe» (bezustanovochnoe) znanie (iz rukopisnogo naslediya) [The Real Attitude and the “Pure” (Attitudeless) Knowledge. From the Manuscript Heritage]. *Kantovskii sbornik*, 2 (36), 83–89. (in Russian).
- Sezeman, V. (2012). Problema idealizma v filosofii [Problems of Idealism in Philosophy]. *Voprosy filosofii*, 4, 127–134. (in Russian).
- Slesoryunene, E. (1991). Stroki lyubvi i nadeshdy [Lines of love and hope]. *Vil'nyus*, 2, 127–138. (in Russian).
- Sverdiolas, A. (2010). Vasily Sesemann: The Other and Time. In M. Drunga & L. Donskis (Eds.), *Vasily Seseman: Selected Papers* (15–33). Amsterdam, New York: Rodopi.
- Tarasti, E. (2006). Preface. In T. Botz-Bornstein, *Vasily Sesemann. Experience, Formalism and the Question of Being* (7–13). Amsterdam, New York: Rodopi.